ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ ВО ФРАНЦИИ XVII—XVIII ВЕКА

Е.А.Кулакова

DEVELOPMENT OF GRAMMAR THOUGHT IN FRANCE IN THE XVII—XVIII CENTURIES

Е.А.Kulakova

Гуманитарный институт НовГУ, koulakova999@yandex.ru

В статье рассматриваются особенности французской грамматической традиции в XVII — XVIII веке, описываются экстралингвистические факторы, оказавшие влияние на ее развитие, представлены различные подходы и критерии нормирования языка, появившиеся в это время.

Ключевые слова: описание языка, грамматики, норма, кодификация

The article analyzes the peculiarities of the French grammatical tradition in the XVII—XVIII centuries. Extralinguistic factors that influenced its development are described; a variety of approaches and criteria for the valuation of the language which appeared in that period, are also presented.

Keywords: language description, grammar description, norm, codification

XVII и XVIII век чрезвычайно важны для развития французской грамматики. Именно в этот период грамматики создают принципы нормализации французского языка, надолго определившие языковую политику Франции.

Необходимость защиты и прославления родного языка возникает во Франции еще в XVI веке. Значительно увеличивается его словарный состав. Французский язык проникает во все сферы общественной и государственной жизни. Он становится общим политическим языком Европы. Французский язык особенно популярен в Германии, Дании, Швеции, Нидерландах, Испании, Италии и, наконец, в России. Впервые встает вопрос о нормализации и кодификации французского языка. И хотя уже в Средневековье создаются грамматики французского языка, решаются вопросы орфографии, пунктуации и т.п., к концу XVI века во французском языке, по образному выражению Д.Морне, господствуют «беспорядок и гений».

Все это настоятельно требует «упорядочить язык». Этот девиз становится любимым у Академии. Эта же мысль проходит красной нитью через всю книгу «Заметки о французском языке» (1647) выдающегося грамматиста этой эпохи Вожла. На смену количественному пониманию достоинств и недостатков литературного языка, господствовавшему в XVI веке, в XVII веке выдвигается качественный критерий; важно не количество существующих в языке слов, а то, насколько язык в целом понятен для говорящих на нем людей.

Проблема нормирования французского языка блестяще решается теоретиками XVI—XVII века. Благодаря им складывается язык, который уже можно считать новым. Недаром само понятие «новофранцузского языка» лингвисты связывают именно с XVII—XVIII веком.

В рассматриваемый период развитие грамматической мысли во Франции характеризуется исклю-

чительной плодотворностью и активностью.

В 1606 г. Малерб, выступающий против принципов Пляды, критикуя произведения Депорта, выдвигает новую концепцию отношения человека к языку и формулирует три условия, которым должен отвечать литературный язык: чистота, ясность и точность. «Мало, чтобы нас понимали, — утверждает он, — надо, чтобы нас не могли не понять» [1].

Первые грамматики начала XVII в. [2] еще продолжают традиции французских грамматистов прошлого (Мегре, де ля Раме и др.). Однако уже в 1607 г. появляется нормативная грамматика Мопя [3], впервые рассматривающая вопросы синтаксиса французского языка. Мы видим в ней стремление автора, полностью разделявшего концепцию Малерба, отразить и осмыслить узус. Он вносит изменения в традиционную латинскую схему описания языка, адаптируя ее к французскому языку. Так, например, Ш.Мопя одним из первых отказывается от такого традиционного раздела латинской грамматики, как склонение, в то время как другие грамматисты продолжают включать его в свои книги (Дюваль, Уден и др.), и, наоборот, особо выделяет и описывает различные конструкции, характерные для французского языка.

Стремление не просто описать структуру французского языка (задача грамматистов средневековья), но и в то же время объяснить ее, приводит к формированию во второй половине XVII века формалистической и менталистической тенденций во французской грамматической традиции [4].

Первый способ описания берет свое начало с «Заметок о французском языке» (1647) Вожла. Установление нормы, по его мнению, предполагает изучение фактов обихода без их соотнесения с имеющейся системой грамматических понятий и правил. В предисловии Вожла пишет, что его намерение состоит не в реформировании языка, не в уничтожении слов, не в их создании, а лишь в показе их правильного упот-

ребления и, если оно неясно или неизвестно, в его разъяснении и установлении [5].

Вожла различает «mauvaise usage», формирующийся в речи основной массы людей и «bon usage», который подразумевает манеру говорить, установившуюся среди лучшей части придворного общества и находящуюся в соответствии с манерой изложения наиболее авторитетных писателей эпохи.

«Bon usage», с точки зрения Вожла, является основным и единственным критерием, которым следует руководствоваться при установлении нормы. Он неоднороден. В нем выделяются “usage déclaré”, единодушно признанный и поддержанный двором и всеми писателями, и “usage douteux”. Последнему и посвящена книга Вожла. В каждой своей заметке грамматист рассматривает спорные случаи употребления, сравнивает их с другими явлениями, оценивает их, основываясь на “bon gout” — критерии правильности речи.

Вожла утверждает превосходство общепринятого употребления. Согласно его концепции грамматика не создает языка, она должна следовать за ним.

Теория Вожла завоевывает большую популярность. Она становится официальной академической доктриной, так как ориентация на “bon usage” обеспечивает быстрое решение спорных вопросов лексики и грамматики. Это соответствует основной практической задаче Французской Академии Академии, записанной в ее уставе (1634—1635), — дать достоверное описание французского языка, сделать его чистым, выразительным и способным к изложению искусств и наук.

Идеи Вожла находят свое развитие в трудах других грамматистов. Бюфье, например, разрабатывает понятие «usage». Он считает, что «bon usage» в определении Вожла имеет ряд недостатков: с одной стороны, оно основано на слишком узкой и ограниченной социальной базе, чтобы быть надежным критерием правильности речи, а с другой, такой узус слишком условен и произволен. Бюфье подразумевает под этим термином язык всех просвещенных людей (писателей, филологов, философов), а также определенной части дворянства и буржуазии, получившей «хорошее образование». Критерий правильности речи Бюфье — “usage constant”, который соотносится с наиболее устойчивой частью «bon usage» [6].

Бюфье говорит еще о двух типах узуса: “usage partagé”, при котором возможны несколько в равной степени правильных вариантов употребления слова, оборота и т.д., и “usage douteux (obscure)”, при котором правильное употребление неизвестно [7]. Вслед за Вожла Бюфье полностью освобождает грамматику от предписывания. Он считает, что «usage constant» устанавливается сам собой в процессе развития языка, а грамматика должна лишь быть максимально объективной при его описании.

Есть и еще один подход к описанию языка. Он сочетает в себе грамматику, филологию, лексикологию, философию, логику. Его возникновение связано с появлением «Общей и рациональной грамматики Пор-Рояль» (1660). Эту грамматику можно считать попыткой дать комплексную характеристику естест-

венного языка на конкретном примере. Она по праву считается предвестником общего и сравнительного языкознания и открывает новый этап в изучении языка.

Ее авторы, в отличие от Вожла и его последователей, ставят задачу рационального объяснения фактов языка. Они стремятся на научной основе сделать то, что другие делают только по обычаю. Арно и Лансло считают разум всеобщим принципом, который управляет любым языком. Эта грамматика отвечает устремлениям эпохи и основана на картезианской философии. Под грамматикой здесь понимается искусство правильно говорить, то есть правильно мыслить. Описание делается более строгим. Если оценка того или иного факта с позиций “bon usage” часто субъективна и эмоциональна, то здесь учитывается степень соответствия того или иного грамматического факта логике, а понятие правильности целиком базируется на критерии разумности [8]. Например, вплоть до XVII века можно было сказать *se sui je*, в этой конструкции глагол-связка согласуется в лице с личным местоимением; с начала XVII века это сочетание переосмысливается: глагол начинает согласовываться с указательным местоимением, стоящим на первом месте и поэтому соответствующим признакам логического и, следовательно, грамматического субъекта (*c'est moi*). В грамматике Пор-Рояль язык впервые рассматривается с точки зрения плана содержания и плана выражения. В грамматику вводится учение о предложении как единице языка, которая выражает логическое суждение.

Идеи грамматики оказали огромное влияние на лингвистическую мысль XVIII века. Вслед за ней грамматисты (Дюмарсе, Бюфье, Кондильяк и др.) пишут целый ряд работ, построенных на тех же принципах.

Так, например, Дюмарсе различает в грамматике два принципа: в основе одного лежит неопровержимая истина — разум, и поэтому явления языка, подчиненные ему, всеобщие; в основе другого — условная истина, и явления, отражающие это начало, зависят от ряда условий и различны в разных языках. Всеобщая грамматика должна заниматься изучением явлений первого типа, а предметом частной грамматики являются явления второго типа. Всеобщая грамматика — наука; частная грамматика — искусство [9].

Интересную особенность развития французской грамматической мысли в XVII—XVIII веке представляет собой специализация грамматик по социально-функциональному признаку [10].

«Педагогические» (школьные) грамматики [11, 12] предназначены для обучения французскому языку. Их основные достоинства — краткость, понятность изложения. Ими можно пользоваться без дополнительной подготовки. Они адресованы широкому кругу читателей.

«Теоретические» грамматики [13, 14] — источник знаний о языке для писателей, ученых и всех тех, кто интересуется не просто констатацией нормы в том или ином случае, но и ее научным объяснением. Их появление обусловлено осознанием того, что изу-

чение школьных грамматик недостаточно для овладения языком, так как грамматика — это не просто совокупность определенных правил, но и норма мысли. Авторы стараются помочь читателю изучить язык и его связь с мышлением.

«Литературные» грамматики [15] удовлетворяют интерес широкого круга образованных людей к французскому языку во Франции и за рубежом. Они опираются на язык наиболее выдающихся писателей Франции. В основе таких грамматик не обычай употребления языка определенной группой людей, а разум (способность к мышлению) и хороший вкус (“*bon goût*”).

Всплеск активности в нормализации и кодификации французского языка происходит на фоне постепенного изменения роли грамматистов в развитии языка. Если грамматистов эпохи Возрождения можно назвать «писцами на буксире эволюции» [16], так как в их задачу входила лишь констатация и скрупулезная регистрация фактов языка, то в XVII—XVIII веке деятельность грамматистов превращается в один из важнейших экстралингвистических факторов языковой эволюции. Малерб, Вожла и их последователи не удовлетворяются простым наблюдением. Они исправляют и направляют развитие языка, стремясь довести французский язык до совершенства. Язык XVII века воспринимается как образцовый, классический. Вследствие этого усилия грамматистов XVIII века направлены на то, чтобы удержать французский язык на этом уровне. Они так руководят изменениями в языке, чтобы помочь ему восстановить свои потери и предупредить их.

Французская грамматическая мысль XVII—XVIII века играет особую роль в формировании европейской лингвистической традиции. Именно во Франции впервые возникает системный подход к описанию языка; языковая норма увязывается со стилем речи; появляются термины для оценки литературного языка (“*bon usage*”, “*mauvais usage*”, “*usage constant*”, “*bon goût*”); выделяются новые аспекты изучения языка (общее и сравнительное языкознание, стилистика, синтаксис); создаются нормативные грамматики для отбора правильных образцов речи и выработки грамматических правил, идет кодификация языка.

1. Glatigny M. Naissance de la notion de norme en France // *Le français dans le monde*. 1982. № 169. P. 27-28.
2. Du Val J.-B. *L'Eschol française*. Paris, 1604. 292 p.
3. Maupas Ch. *Grammaire et syntaxe française*. Paris, 1625. 240 p.

4. Бокадорова Н.Ю. Французская лингвистическая традиция XVIII—XIX века: Структура знания о языке. М., 1987. С. 31.
5. Vaugelas Cl.-F. *Remarques sur la langue française*. Paris, 1934. 624 p.
6. Buffier P.-Cl. *Grammaire française sur un plan nouveau pour rendre les principes plus sûrs et la pratique plus aisée*. Paris, 1782. Vol. 1. P. 20, 22.
7. Buffier P.-Cl. Там же. P. 24-25.
8. Arnauld A., Lancelot C. *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*. Paris, 1810. 464 p.
9. Du Marsais C.-Ch. *Logique et principes de grammaire*. Nouv. éd. augm. Paris, 1750. 269 p.
10. Бокадорова Н.Ю. Там же. С. 65.
11. Restaut P. *Principes généraux et raisonnés de la grammaire française avec des observations sur l'orthographe, les accents, la ponctuation et un abrégé des règles de la versification française*. 9 éd. rev. et cor. Paris, 1792. 496 p.
12. Wailly N.-Fr. *Principes généraux et particuliers de la Langue française suivis d'un Abrégé de Versification*. 11 éd. rev. et augm. Paris, 1777. 352 p.
13. Du Marsais C.-Ch. Там же.
14. Condillac E.-D. *Grammaire pour l'instruction des jeunes gens*. Nouv. éd. Paris, 1798. 368 p.
15. Lévizac J.P. *L'Art de parler et d'écrire correctement la langue française*. Paris, 1809. 270 p.
16. Séguin J.-P. *La langue française au XVIII-e siècle*. Paris-Brixelles-Montréal, 1872. P. 63.

References

1. Glatigny M. Naissance de la notion de norme en France. *Le français dans le monde*, 1982, no. 169, p. 27-28.
2. Du Val J.-B. *L'Eschol française*. Paris, 1604. 292 p.
3. Maupas Ch. *Grammaire et syntaxe française*. Paris, 1625. 240 p.
4. Bokadorova N.Ju. *Francuzskaja lingvistickeskaja tradicija XVIII—XIX veka: Struktura znanija o jazyke* [French linguistic tradition of the XVIIIth —XIXth centuries: knowledge structure of language]. Moscow, 1987, p. 31.
5. Vaugelas Cl.-F. *Remarques sur la langue française*. Paris, 1934. 624 p.
6. Buffier P.-Cl. *Grammaire française sur un plan nouveau pour rendre les Principes plus sûrs et la pratique plus aisée*. Paris, 1782, vol. 1. pp. 20, 22.
7. Buffier P.-Cl. *Ibid.*, pp. 24-25.
8. Arnauld A., Lancelot C. *Grammaire générale et raisonnée de Port-Royal*. Paris, 1810. 464 p.
9. Du Marsais C.-Ch. *Logique et principes de grammaire*. Nouv. éd. augm. Paris, 1750. 269 p.
10. Bokadorova N.Ju. *Ibid.*, p. 65.
11. Restaut P. *Principes généraux et raisonnés de la grammaire française avec des observations sur l'orthographe, les accents, la ponctuation et un abrégé des règles de la versification française*. 9 éd. rev. et cor. Paris, 1792. 496 p.
12. Wailly N.-Fr. *Principes généraux et particuliers de la Langue française suivis d'un Abrégé de Versification*. 11 éd. rev. et augm. Paris, 1777. 352 p.
13. Du Marsais C.-Ch. *Ibid.*
14. Condillac E.-D. *Grammaire pour l'instruction des jeunes gens*. Nouv. éd. Paris, 1798. 368 p.
15. Lévizac J.P. *L'Art de parler et d'écrire correctement la langue française*. Paris, 1809. 270 p.
16. Séguin J.-P. *La langue française au XVIII-e siècle*. Paris-Brixelles-Montréal, 1872, p. 63.